

Капитан М.

**Хлебные
крошки**

Капитан М.
Хлебные крошки

«Автор»

2026

М. К.

Хлебные крошки / К. М. — «Автор», 2026

Пекарь Григорий, встающий в четыре утра, обнаруживает в заброшенном доме напротив перевалочный пункт торговцев людьми. Полиция бездействует, и он собирает отряд из местных жителей, чтобы уничтожить преступную сеть. Но за бандой стоят серьёзные силы, и борьба превращается в опасную войну, где на кону — жизни спасённых и право остаться собой.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Время замеса	5
Глава 2. Своя разведка	11
Глава 3. В логове зверя	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Капитан М. Хлебные крошки

Глава 1. Время замеса

Город ещё спал, укутанный в сырую предрассветную мглу, когда над дверью пекарни на улице Вязов мягко зажглась круглая латунная лампа. Её жёлтый свет упал на мокрый асфальт, выхватив из темноты трещины и прошлогодний тополиный пух, сбившийся у водосточной решётки. Внутри, за широким витринным стеклом, по которому стекали капли ночного дождя, уже двигалась тень. Это был человек, чьё тело знало время лучше любых часов.

Его звали Григорий Савельевич Бородин. Для жителей трёх соседних кварталов — просто дядя Гриша, пекарь. Но сейчас, в этот час, когда за окнами ещё не скрипнула ни одна калитка, когда даже кошки не вышли на охоту, он был полновластным хозяином раскалённого цеха, повелителем муки, огня и аромата. Ему шёл пятьдесят третий год, но спина была прямой, как телеграфный столб за окном, а в руках, когда он брался за скалку, угадывалась спокойная, непарадная сила человека, привыкшего к изнурительному физическому труду не по книгам.

В четыре часа утра звонок будильника, старого, с круглым циферблатом, не столько разбудил его, сколько прервал ровное дыхание сна. Григорий никогда не позволял себе валяться в постели. Он поднялся в тёмной комнате, где пахло сухим деревом и чистотой, натянул на себя плотные хлопчатобумажные штаны, футболку с застиранным воротом и толстую шерстяную кофту. В пекарне будет жарко, но улица встретит его холодом, а он не имел права простудиться. Простуда для пекаря — это не насморк, это остановка всего цикла. Его дело — это ритм, и ритм этот должен быть безупречен.

Он спустился по лестнице чёрного хода, не зажигая света — ступени были выучены наизусть, каждая половица знала его шаг. В пекарне, расположенной на первом этаже его собственного старого дома, его встретил густой запах закваски, оставленной с вечера в деревянном чане. Этот запах был для него лучше запаха роз. Он включил рубильник, и под потолком зажглись три лампы в жестяных плафонах, осветив мир его ежедневного труда: длинный стол из толстого лиственничного бруса, отполированный за два десятилетия до костяного блеска, огромный шкаф с инструментами, печь, отделанную изразцами начала прошлого века, и стеллажи, заставленные мешками с мукой разных сортов.

Григорий первым делом подошёл к печи. Он знал её характер, как знают характер близкого человека. Она любила дрова и уголь, но уже год как работала на дизельном топливе. Это было удобно, но Григорий скучал по живому огню. Впрочем, профессионализм заключался не в сентиментальности, а в точном расчёте температуры. Он потрогал свод печи ладонью, покачал головой — ещё недобрала. Значит, есть время на тесто.

Тесто было его стихией. Он снял с головки старого, выдавшего виды березового стола чистый, пахнущий хозяйственным мылом кусок льняной ткани. Под ним в деревянной кадушке, похожей на приземистую бочку, дышало то, что должно было стать сегодняшними багетами. Григорий опустил в опару пальцы, смоченные в холодной воде. Тесто ответило ему лёгкой дрожью, оно было живым, тёплым, в нём уже шла невидимая работа дрожжей.

— Хорошо, — пробормотал он едва слышно. — Дозрела.

Он с усилием вывалил массу на стол. Пахло молоком, лёгким солодом и той непередаваемой кислинкой, которая отличает настоящий ремесленный хлеб от заводской штамповки. Началась работа. Григорий не щадил ни тесто, ни собственные руки. Он с грохотом опрокидывал пласт, бил его о стол, сворачивал, месил, снова бил. Руки двигались с ритмом боксёра,

работающего на тяжёлой груше. В этом процессе не было места нежности, только уважение и сила. От разгорячённого тела пошёл пар, хотя в цеху было не больше пятнадцати градусов.

Намесив нужную порцию, Григорий отрезал кусок специальным скребком. Это был не обычный нож, а клинок-пластина с невероятно острой, идеально ровной кромкой. Сталь была тонкой, но упругой. Григорий обращался с ним так, будто это продолжение его ладони. Одно неверное движение — и порез будет таким, что хирургу придётся повозиться. Но движения пекаря были безупречны. Он порционировал тесто, взвешивая каждый кусок на ладони, и лишь после этого кидал на весы. Ошибка не должна была превышать пяти граммов.

В этот момент, когда он на мгновение поднял голову, чтобы перевести дух и взглянуть на улицу, его взгляд и упал на дом напротив. Этот дом стоял через дорогу, чуть наискосок. Двухэтажный, мрачный особняк купца Сазонова, построенный ещё до войны. Окна его были заколочены уже года три, штукатурка осыпалась, обнажая красный кирпич, а по фасаду вился ядовито-зелёный плющ, который, казалось, был единственным живым существом в том месте. Жители района привыкли к нему и уже почти не замечали.

Но Григорий заметил. Между приступами замеса, когда он менял грубую силу на кропотливую точность — делал косые надрезы на будущих багетах, чтобы мякиш дышал, — сквозь щель в заборе, окружающем дом Сазонова, мелькнул свет. Не тусклый огонёк зажигалки бродяги, не отблеск фар проезжающей машины. Это был ровный, хотя и слабый, рассеянный свет, какой бывает от налобного фонаря. Свет качнулся и исчез за углом дома, ведущим к грузовому входу.

Григорий нахмурился. Бродяги не пользуются такими фонарями. Коммунальщики в пять утра тоже не имеют привычки шариться в заброшенных особняках. Он отложил скребок, вытер руки о передник и подошёл к витринному окну. Отсюда, если прижаться лицом к холодному стеклу, просматривался кусочек арки, ведущей во двор соседнего дома. Ветер качнул голую ветку старого тополя, и забор заскрипел.

— Померещилось? — спросил он сам себя и прислушался к тишине улицы. Но слух опытного человека, привыкшего угадывать по звуку готовность теста в печи или приближение грозы, уловил инородный звук. Это был приглушённый расстоянием и деревянными стенами металлический лязг. Так могла лязгнуть дверца фургона или затвор. Второй раз за утро.

Григорий постоял ещё с минуту. Улица молчала. Дождь перестал, но воздух был настолько влажным, что, казалось, можно пить его, как воду. Он хотел уже вернуться к столу, как вдруг из-за угла заброшенного дома вынырнул силуэт. Человек двигался быстро, но при этом оставался в тени, будто знал, как спрятаться от света единственного горящего окна — окна пекарни. Одет он был в тёмное, на голове — низко надвинутый капюшон. В руках он нёс то, что заставило Григория сжать кулаки. Это была металлическая клетка. Небольшая, но достаточно просторная, чтобы в ней мог поместиться человек. Или зверь. Но зверей в таких количествах и с таким конвоем не перевозят.

Человек исчез в проёме. Через несколько секунд появился второй, уже без клетки. Он осмотрелся по сторонам, задержав взгляд на окнах пекарни. Григорий стоял в глубине помещения, в тени, но ему показалось, что этот человек смотрит прямо ему в глаза. Это был взгляд хищника, оценивающего опасность. Затем фигура растворилась в темноте забора.

Пекарь отошёл от окна, взял полотенце, висящее на крючке, и медленно вытер руки. Ему не было страшно. Страх — это роскошь для слабых или неожиданность для беспечных. Григорий был методичен. Он не верил в мистику, в случайные совпадения и в то, что в заброшенный дом среди ночи могут заходить театральные гастролёры.

«Торговцы», — пульсировало в голове. Но он не позволил себе паниковать.

Он вернулся к работе. Температура в печи достигла нужной отметки. Григорий открыл тяжёлую чугунную дверцу, и в лицо пахнуло сухим жаром. Он с привычной сноровкой начал укладывать будущие багеты на деревянную лопату, присыпанную мукой крупного помола,

и отправлять их в разверстое пекло. Эта работа требовала сосредоточения. Один неверный рывок — и тесто съёжится, потеряет форму, превратится в уродца. В его деле, как и в любом ремесле, требующем тишины, был важен ритм. Но мысли о клетках всё равно лезли в голову.

Какие там клетки? Что в них? Люди? В его районе? Три года назад, когда умер последний наследник Сазоновых, дом опечатали. Говорили, что идёт спор за наследство, что его выкупил какой-то фонд, что собираются делать отель. Стройка не началась. Дом гнил, оседал и становился идеальным укрытием для тех, кому не нужны лишние глаза.

Григорий знал свой район до последнего камня. Он родился в этом доме, в квартире над пекарней. Здесь его научили месить тесто, отличать рожь от пшеницы и терпеть боль от порезов. Здесь он хоронил жену и отсюда провожал сына в большой город. И за эти полвека он выучил одно незыблемое правило: если в дом напротив, который стоит пустым, как склеп, ночью заносят клетки, а в окне горит ровный профессиональный свет — быть беде.

Через час, когда небо начало сереть, запах свежего хлеба уже наполнял не только пекарню, но и всю улицу. Первый хлеб был готов. Григорий вынимал багеты, и они трескали, остывая на деревянных решётках, покрываясь золотистой, чуть сладковатой корочкой. Обычно этот момент приносил ему тихое, почти молитвенное удовлетворение. Сегодня радость была отравлена.

Он накрыл готовую продукцию чистым полотном и решил выйти на улицу. Потянул на себя дверь, колокольчик над ней мелодично звякнул. Влажный холодный воздух прочистил лёгкие. Григорий встал на крыльце, скрестив руки на груди, и посмотрел на дом Сазонова. Дом смотрел на него пустыми глазницами окон. Но теперь Григорий знал, что он не пуст.

Со стороны проспекта послышался шум подметаемой мостовой. Это дворник Мурад, старый таджик в оранжевом жилете, начинал свой обход. Григорий дождался, когда тот подойдёт ближе.

— Мурад! — окликнул он, и голос его прозвучал хрипло после долгого молчания. — Здорово.

— Здравствуй, Григорий Савельевич, — дворник приподнял кепку, открыв седой висок. — Доброе утро. Хлеб уже готов? Пахнет на всю улицу, как в раю.

— Готовь тару, — кивнул пекарь. — Слушай, вопрос к тебе. Ты ночью ничего странного не видел? Ты же выходишь в четыре.

Мурад перестал мести и навалился на черенок метлы, посмотрев на заброшенный дом. Его тёмное морщинистое лицо было спокойно, но взгляд стал цепким.

— Странного много, хозяин. У нас район тихий, но ночью, как стемнеет, у Сазоновского дома фуры иногда стоят. Редко, но бывает. Я раньше не смотрел. Моё дело — асфальт. Но сегодня слышал, как что-то тяжелое таскали. Думал, металл воруют. Бывает, что бездомные приходят.

— Это не бездомные, Мурад, — Григорий посмотрел под ноги, на мокрый асфальт. — Ты видел лица?

— Нет. Бог миловал. Я, когда слышу плохое, иду мести другую сторону улицы. Жизнь спокойнее, хозяин.

— Спокойнее, да не всегда, — Григорий снова поднял глаза на дом. — Будь внимательнее. И не лезь туда.

Мурад снова приподнял кепку, показывая, что услышал, и продолжил свой путь, выписывая метлой дуги на мокром тротуаре. Григорий вернулся в пекарню. Спина его, несмотря на усталость, оставалась прямой.

Он попытался заняться сдобой. Достал ледяное масло, принялся рубить его с мукой для круассанов. Нож глухо стучал о столешницу. Куски масла хрустели, впитывая муку. Но мысль о том, что происходит в доме напротив, жгла затылок. Он посмотрел на часы. Шесть утра. Полицейский участок откроется в девять. Но он знал своего участкового — старшего лейте-

нанта Дронова. Тот был человеком ленивым и, по слухам, любящим брать конверты. Идти к нему с рассказом о клетках в заброшенном доме — всё равно что плевать против ветра. Повесят ли ему? Скорее всего, поднимут на смех. Пекарь, который слишком много смотрит телевизор. Мигранты? Стройматериалы? Наркотики? Да кто его знает. Но он сам знал, что видел. И он никогда не ошивался в физиологии страха. Человек, который так прячется и носит такие тяжести, не занимается благотворительностью.

В семь утра пришла продавщица Люба. Полная женщина с добрым лицом и громким голосом. Она вплыла в пекарню, внося с собой запах уличной сырости и дешёвых цветочных духов. Григорий молча кивнул ей, продолжая работать. Люба знала, что хозяин не любит болтовню в цеху. Она начала готовить витрину: расставлять лотки, подметать пыль, которая, как ей казалось, вечно сыпалась с потолка. Она была хорошей работницей, но сегодня её жужжание раздражало Григория. Ему нужно было подумать.

К девяти утра у пекарни уже собралась небольшая очередь. Пенсионеры в платках, мамы с колясками, студенты, спешащие на учёбу. Район просыпался. Григорий иногда выходил в торговый зал, чтобы помочь Любе, когда наплыв покупателей был особенно велик. Он любил смотреть на лица людей, когда они получали тёплый хлеб. Это давало ему ощущение значимости своего дела. Но сегодня, упаковывая буханку старушке с трясущимися руками, он поймал себя на том, что смотрит не на неё, а на окна особняка напротив.

Теперь, при свете дня, дом выглядел просто старым и жалким. Никакой мистики. Облупившаяся краска, ржавые решётки на окнах первого этажа, кривой фонарь. Но Григорий уже не мог смотреть на него прежними глазами. Внутри у него поселилось холодное знание, похожее на ледяную глыбу.

К полудню, когда основная торговля спала, он поднялся к себе в квартиру. Сел на кухне у окна, поставил перед собой стакан с крепким чаем и стал смотреть на улицу. Он видел, как дворник Мурад переходит дорогу, толкая тележку с песком. Как мальчишки из соседнего двора играют в футбол. Как пожилой антиквар из лавки на углу, Павел Моисеевич, вывешивает на тротуар старый шкаф. Идиллия. Но идиллия была обманчива, как глянец на засохшем пирожном.

Григорий достал из ящика стола старый, потёртый бинокль. Этот бинокль был ещё отца, любителя голубиной охоты. Григорий никогда не использовал его для праздного любопытства. Но сейчас он не мог сидеть сложа руки. Настроив фокус, он начал методично осматривать фасад дома напротив. Заколоченные окна, остатки лепнины, карнизы. На уровне второго этажа одно из окон было прикрыто не досками, а куском фанеры, которая не вплотную прилегала к раме. Внутри, в глубине комнаты, он заметил нечто похожее на строительные леса или стеллажи. Металлические стеллажи, стоящие ровными рядами. На них что-то тускло блестело. Это был свет, отражённый от телевизионной антенны или от чего-то ещё. Блеск был холодным, стальным.

Он отложил бинокль. Руки не дрожали. Они были спокойны, как в тот момент, когда он делал первый надрез на заготовке для багета. Внутри него что-то щёлкнуло. Он понял, что если сейчас пойдёт в полицию и даже если его выслушают, то всё закончится формальной отпиской. Если же он промолчит, его глаза будут продолжать видеть эти клетки вечно.

Григорий не был супергероем. Он был немолодым человеком со своими болячками, со скромным бизнесом и спокойной жизнью. Но он жил по принципу: если в твоём доме завелись крысы, не жди, пока приедет дератизация. Трави сам, если есть силы.

Внизу снова звякнул колокольчик. Кто-то вошёл в пекарню. Григорий убрал бинокль в стол и спустился вниз, чтобы помочь Любе с покупателем, но, проходя через цех, он услышал обрывок разговора.

— ... прямо на моих глазах, — голос был женский, испуганный. — Я думала, труба упала, а это просто ящик уронили.

Григорий вышел в зал. У прилавка стояла худая женщина с кошёлкой. Люба, слушая её, покачала головой.

— Здравствуйте, — Григорий встал за прилавок. — Что-то случилось?

— Да что случится-то? — женщина всплеснула руками. — В доме напротив опять эти чёрные ходят. Уже седую неделю. Ночью таскают чего-то, днём хоронятся. Я на лавочке у третьего подъезда сидела, а из-за их забора как бабахнет! Я думала, автобус бибикнул. А это у них ворота отъехали, и ящик выпал. Они его тягали вчетвером, я смотрела. Чуть не поссорились.

— Что за ящик? — Григорий наклонился вперёд, и в его голосе было нечто такое, от чего Люба перестала раскладывать булочки и посмотрела на хозяина с удивлением.

— Деревянный, длинный. Похож на гроб, прости господи, — женщина перекрестилась. — Но не гроб, а тяжёлый, с ручками по бокам. И руки у них чёрные.

— Наши? Русские? — уточнил Григорий.

— Разве поймёшь? Они все в масках, как в ковид. Только глазища видно. Скалятся, окающие.

Женщина купила батон, ещё раз оглянулась на дверь и ушла. А Григорий остался стоять, упревая руки в прилавок. Люба посмотрела на него с плохо скрытой тревогой.

— Григорий Савельевич, да что вы как не свой? Уж не случилось ли чего с вами?

— Случилось, Люба, — он вытер руки о передник, хотя они были сухими. — Ты сегодня пораньше закройся. И Шурику позвони, который хлеб в ларьки развозит. Пусть приедет послезавтра, у нас форс-мажор.

— Какой форс-мажор? — испугалась Люба.

— Технический, — коротко отрезал Григорий. — Печь буду чистить.

Он знал, что она почувствует ложь, но ему нужно было побыть одному и спокойно всё обдумать. Люба, поняв, что дальнейшие расспросы бесполезны, вернулась к витрине, поджав губы.

Григорий вышел на крыльцо. День разгорался, но солнце так и не показалось. Небо было затянуто ровным слоем облаков, висевших низко над крышами, как прессованная вата. Он сел на деревянную скамейку у входа, ту самую, где летом собирались старухи, и посмотрел на дом напротив. Теперь он уже не был для него просто архитектурным уродством. Это была берлога зверя. И зверь обосновался в его, Григорьевом, районе.

Он вспомнил события двухлетней давности. Тогда в новостях трубили о пропавшей студентке. Девушка ехала на ночном автобусе и исчезла. Поиски ничего не дали. Её мать до сих пор ходила по вечерам вдоль дороги с фотографией дочери. Григорий всегда совал ей в руку тёплый багет бесплатно. Такие же объявления висели в соседнем квартале. Гастарбайтеры, которых нанимали на стройку, тоже жаловались, что пропадают люди. Кто-то списывал на полицию, кто-то на то, что работяги уходят в соседние города. Но если подумать, если сопоставить факты... Григорий сжал кулак так, что хрустнули пальцы.

Вечером, когда стало смеркаться, он не включал свет в своей комнате. Он снова стоял у окна с биноклем. Тьма сгущалась медленно, как сироп. Фонари на улице зажглись тусклым оранжевым светом. Григорий ждал.

Без десяти десять из-за угла вынырнул чёрный микроавтобус. Он ехал с погашенными фарами, нарушая все мыслимые правила. Машина подъехала к воротам заброшенного дома и остановилась. Григорий напряг зрение. Из кабины вышел человек в тёмной куртке. Он открыл ворота, и микроавтобус задом въехал во двор. Пекарь перевёл бинокль на второй этаж. Сквозь щель в фанере мелькнул слабый полусвет. Они там не одни. Это точно не случайное убежище бомжей. Это организованная работа. Логистика. Маршрутизация. Эти люди знают, что делают.

Григорий опустил бинокль. В комнате было тихо, только на кухне капал кран, отсчитывая секунды. Пекарь подошёл к шкафу и достал с самой верхней полки старый, обтянутый кожей несессер. Внутри лежали его личные инструменты. Два ножа для хлеба из дамасской стали,

идеально сбалансированные. Острый как бритва серповидный клинок для срезания теста с чана. Небольшой топорик для угля, заточенный до остроты опасного оружия. Григорий сел на стул, положил несессер перед собой и начал методично, не торопясь, точить и без того острые лезвия на куске кожи. Движения его были гипнотическими.

В этом человеке проснулся не тот, кто всю жизнь месил тесто. Проснулся тот, кого жизнь научила выживать в местах, где хлеб не продают, а добывают. Годы службы в десантно-штурмовой бригаде не прошли даром. Он не рассказывал о них даже Любе. Город знал его как пекаря дядю Гришу. Но в глубине его души, под слоем муки и добродушия, спал солдат. Солдат, который помнил, как бесшумно ходить, как ломать кости противнику и как использовать окружающие предметы для достижения цели.

Он понял, что не будет звонить в полицию. Он не будет ждать, пока Дронов накопит материал для отписки. Он пойдёт сам. Но перед этим ему нужно было подготовиться. Он спрятал один из ножей в специальный карман на поясе, под толстовкой. Присмотрел в цеху несколько пустых мешков из-под муки. Мука... Пыль... Это знание пришло из армейской химии. Взрыв аэрозоля. Он знал, что делает.

Глава первая подошла к концу. Впереди была ночь. Ночь, когда пекарь Григорий Савельевич Бородин решил, что его район — это его дом. И он не отдаст его на поругание ни Дронову, ни тем, кто прятался за облупленными стенами особняка Сазонова.

За окном загорелась луна, вырвавшись из-за туч, и её холодный свет залил кухню, отразившись от клинка ножа, который лежал на столе. Григорий посмотрел на него, затем перевёл взгляд на часы. Четыре утра. Время замеса. Только теперь тесто было другим. Тесто его новой жизни должно было подняться на страхе и справедливости.

Глава 2. Своя разведка

Ночь тянулась долго, как остывающий жар в сводах старой печи. Григорий не спал. Он сидел на кухне в полной темноте, лишь изредка позволяя себе глотнуть уже давно остывшего чая. Перед ним на столе лежали два ножа, кусок кожи для правки лезвия и старый отцовский бинокль. Этого набора было бы достаточно, чтобы почувствовать себя нелепым участковым из дешёвого сериала, но Григорию было не до самокритики. Его мозг, привыкший за годы службы к составлению маршрутов и оценке угроз, работал сейчас с чёткостью пекарского таймера.

Он думал о том, что знает о доме Сазонова. Старый купеческий особняк, два этажа, цоколь, мансарда. С восточной стороны — глухая стена без окон, вплотную к ней — соседский забор. С севера — хозяйственные постройки, каретный сарай, превратившийся за десятилетия в обветшалый склад. Южная сторона выходила на улицу Вязов, к ней примыкал узкий палисадник, заросший сорняком. Западный фасад, тот, что был виден из окна пекарни, имел главный вход с облупившимися колоннами и боковую дверь для прислуги. От пекарни до входа в особняк через улицу было метров шестьдесят. Через арку можно было попасть во двор, где, очевидно, и находился основной трафик. Григорий мысленно выстраивал схему, перебирая в памяти каждый кусок стены, каждый заколоченный проём.

Он понимал, что действовать с наскока нельзя. Прежде чем лезть в пекло, нужно изучить повадки тех, кто сидит внутри. Нужно наладить наблюдение. Нужно понять, сколько их, когда они меняются, где у них слабые места. Для этого ему нужны были глаза. Свои глаза у него есть, но два глаза — мало, чтобы охватить весь периметр. Нужны ещё несколько человек из местных, которым можно доверять.

Первый кандидат — дворник Мурад. Человек незаметный, привыкший к пустым улицам, знающий каждый люк и каждую лазейку. Он не задаст лишних вопросов, если правильно его попросить. Второй — Павел Моисеевич, антиквар. Его лавка стоит на углу, окна второго этажа выходят ровно на то место, где останавливаются машины у дома Сазонова. Старик любопытен, но трусоват. Впрочем, если ему польстить и объяснить, что от него потребуется только смотреть, он может согласиться. Третий — Люба? Нет, Любу втягивать нельзя. Она хорошая женщина, но у неё лицо как открытая книга, и язык без костей. Если она узнает, через час об этом будет знать весь рынок. Нет.

Четвёртый — племянник Мурада, Рашид. Парень молодой, дерзкий, работает на автомойке. Григорий помнил, как он однажды вступился за старушку, у которой хулиганы вырвали сумку. Рашид тогда догнал вора, скрутил, но в полиции на него же и составили протокол за превышение самообороны. Пекарь тогда за него заступался. Парень благодарен. Пятый кандидат — Дмитрий Сергеевич, отставной военный хирург, живущий двумя кварталами дальше. Человек сложный, замкнутый, после смерти жены почти ни с кем не общается. Но он умеет молчать и умеет ждать. Григорий знал его ещё по Афгану, они служили в одной бригаде. С ним стоит поговорить отдельно, но это разговор не для улицы.

К четырём часам утра Григорий принял решение. Он не пойдёт в полицию, он пойдёт к людям. Но прежде, чем идти, нужно было закончить утреннюю выпечку. Хлеб — это его прикрытие, его ритуал и его душа. Без хлеба он превратится в безумца с ножом. А ему нужен порядок.

Он встал с тяжёлым вздохом, потянулся, чувствуя, как хрустят суставы. Быстро оделся, спустился в цех. Там было тепло и сухо. Он включил свет, но не все лампы, а только ту, что над рабочим столом. Остальное пространство должно было остаться в тени, чтобы со стороны улицы нельзя было понять, что хозяин уже на ногах. Григорий подошёл к заквасочной кадлушке. Опара дышала, в неё вчера была добавлена свежая порция муки и воды. Он не боялся, что она

перекисла — в такую сырую погоду процесс брожения шёл медленнее. Но он добавил в неё ещё немного тёплой воды и начал вымешивать.

Работа пошла своим чередом. Часть теста он поставил на простые подовые буханки, часть — на формовой ржаной, для которого ещё с вечера заварил солод. Влажный жар печи приятно обжигал лицо. Григорий двигался в привычном ритме, но в голове у него уже был готов план первого шага.

В шесть утра, когда первые лучи так и не пробились сквозь плотную облачность, а город всё ещё кутался в туман, Григорий вышел на улицу. Не через главный вход, а через чёрный, со стороны двора. Он обогнул свой дом, пересёк пустырь за сараями и вышел к гаражному кооперативу. Там, у крайнего кирпичного бокса с ржавой вывеской, он трижды негромко стукнул в створку ворот.

Через пару минут внутри что-то лязгнуло, и ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы показать смуглое лицо Рашида. Он был без куртки, в накинута на плечи телогрейке, но выглядел бодрым, словно и не спал.

— Дядя Гриша? — удивлённо прошептал парень, — Что-то случилось? Хлеб нужен?

— Хлеб будет позже, — так же тихо ответил пекарь. — Пусты, разговор есть.

Рашид оглянулся внутрь гаража, потом распахнул ворота. Внутри пахло машинным маслом и резиной. Вдоль стен стояли стеллажи с инструментами, в центре — старенькая «шестёрка», под которой был расстелен промасленный картон.

— Слушаю, — парень зевнул, потёр глаза. — Я просто ночью мотор перебирал, спать лёг под утро.

— У тебя бинокль есть? Или подзорная труба какая-нибудь от старшего поколения? — без предисловий спросил Григорий.

Рашид нахмурился, но потом усмехнулся.

— Есть монокуляр, для охоты. Только он не сильно мощный. А что?

— Дом Сазонова знаешь?

— Кто ж его не знает. Проклятое место. Туда пацаны с района ходили на спор, да перестали, говорят, там какая-то хрень творится.

— Вот именно. Мне нужно, чтобы ты последил за ним. Только так, чтобы тебя не видели. Есть укромное место?

Рашид смотрел на Григория с нарастающим любопытством. Он чувствовал, что дядя Гриша не шутит.

— С крыши автомойки видно всю улицу. Там есть технический выход, я ключ от него держу.

— Хорошо. Сегодня к девяти вечера будешь на крыше. И смотри в оба. Записывай время, когда подъезжают машины, сколько человек выходит, куда идут. Только в темноте. Днём туда не лезь.

— Дядя Гриша, а вы чего задумали? — Рашид прищурился.

— Помоги мне, и я тебе всё объясню. Потом. А пока просто делай, что говорю. И никому ни слова.

— Как на автомойке? — Рашид хмыкнул. — Могила.

Григорий вышел из гаража тем же путём. Он шёл через пустырь, оглядываясь по сторонам. Город просыпался медленно, но верно. Где-то залаяла собака, загремели мусорные баки. Пекарь вернулся в пекарню как раз в тот момент, когда Люба открывала входную дверь.

— Григорий Савельевич! — она всплеснула руками, увидев его со стороны чёрного входа. — Я уж думала, вы не выходили.

— Ходил до сарая за дровами для запаха, — соврал он. — Хочу сегодня дровяной жар симитировать.

Люба недоверчиво покачала головой, но промолчала. Она знала, что у хозяина есть свои странности.

Работа в пекарне шла своим чередом. К десяти утра зал наполнился покупателями. Пахло сдобой, корицей, горячим маслом. Григорий сам стоял за прилавком, потому что Люба отпросилась на рынок за овощами. Он обслуживал людей, улыбался, кивал. Всё как всегда. Только взгляд его постоянно скользил мимо покупателей в окно, на ненавистный особняк.

Около одиннадцати в пекарню зашёл Павел Моисеевич. Он был в длинном, не по погоде, пальто с меховым воротником и в шляпе с обвисшими полями. В руках он нёс свёрток, обернутый в газету.

— Григорий, душа моя! — проскрипел антиквар, ставя свёрток на край прилавка. — Принёс вам подарок. От сердца.

Григорий развернул газету. Внутри была старинная жестяная банка из-под печенья с нарисованным на боку пастухом и коровой.

— Для чая? — улыбнулся он.

— Для совести, — Павел Моисеевич хитро подмигнул. — Вы вчера не досчитались в кассе мелочи, а это я утром у себя нашёл лишние пять рублей. Понял, что у вас разменялся и не забрал сдачу. Вот, принёс.

— Целая банка из-за пяти рублей? — Григорий взял банку, повертел в руках. — Дороговато выходит.

— Банка всё равно пылилась, а у вас к чаю пригодится. И не спорьте. Лучше налейте мне вашего кофе, да покрепче.

Григорий кивнул, налил антиквару кофе в толстую керамическую чашку. Они отошли к столику у окна. Павел Моисеевич устроился на деревянном стуле, поставив чашку на исцарапанную столешницу, и прищурился, глядя на дом Сазонова.

— Всё смотрите на него? — спросил он, не поворачивая головы.

— Есть причина, — ответил Григорий, садясь напротив. — Вы же ночью плохо спите?

— Как вы догадались?

— Знаю, что вы до двух часов в своём кабинете сидите и книги читаете. У вас окно во двор выходит.

— И что же вы хотите от моего окна?

Григорий помедлил, оглянулся на редких покупателей, затем наклонился ниже.

— Павел Моисеевич, я не спрашиваю, чем вы занимаетесь по ночам. Но если вы видели что-то необычное со стороны Сазоновского дома, скажите мне. Это важно.

Антиквар поправил шляпу, его пальцы, украшенные перстнями с тёмными камнями, подрагивали.

— Необычное — это какое? Грузчики, которые перевозят что-то тяжёлое и при этом не включают свет? Или машины, которые приезжают с выключенными фарами? Или люди, которые выносят завернутые в тряпки предметы, похожие на инструменты для взлома? — он перевёл дыхание. — Я всё вижу, дорогой мой. Потому я и не сплю.

Григорий сжал зубы.

— Почему раньше молчали?

— А кому говорить? Участковому Дронову? Он у этих людей, может быть, на довольствии. Или соседям, которые боятся собственной тени? Я старый человек, Григорий. Я пережил блокаду Ленинграда. Я знаю, когда лучше не вмешиваться. Но и вы не простой пекарь, я это понял ещё тогда, когда вы сломали руку тому грабителю.

Пекарь посмотрел на свои руки.

— Это было давно.

— Два года назад. Я помню, как он кричал. Вы тогда сказали, что он упал с лестницы. Но я видел в окно, как вы его приложили. И как потом спокойно подняли и вынесли к дороге, чтобы «скорая» забрала. Поэтому я знаю, что вы не простой.

Григорий усмехнулся.

— Хорошо. Тогда помогите. Мне нужны ваши глаза.

— Что вы хотите узнать?

— Всё, что происходит между полуночью и пятью утра. Марки машин, количество людей, направление движения. Особенно меня интересует, когда они остаются без охраны снаружи.

— Вы собираетесь влезть туда? — Павел Моисеевич смотрел на него с ужасом и восхищением одновременно.

— Я собираюсь понять, кто туда влезает, и почему оттуда не выходят те, кого туда заносят.

Антиквар побледнел и отвёл взгляд.

— Вы уверены, что это то самое?

— Уверен, — твёрдо ответил Григорий. — Это торговцы людьми. Или, по крайней мере, их перевалочная точка.

Павел Моисеевич несколько секунд молчал, поглаживая край шляпы.

— Хорошо. Я буду вести записи. Но умоляю, не впутывайте меня в активные действия. Я слишком стар для подвигов.

— Мне нужно только наблюдение.

— Тогда договорились. И вот что, Григорий. У дома есть подземный ход. Я знаю, потому что мой отец был знаком с последним управляющим Сазоновых ещё до войны. Ход ведёт из каретного сарая в подвал особняка. Он, конечно, завален, но, если что, имейте в виду.

Григорий кивнул, чувствуя, как внутри разгорается азарт. Это была первая ценная информация.

После ухода Павла Моисеевича он поднялся наверх и снова прильнул к окну с биноклем. Теперь он осматривал не только дом, но и прилегающую территорию. Ему нужна была карта местности в голове, каждый квадратный метр. Он знал, что перед активной фазой нужно несколько дней наблюдения. Но времени могло не быть. Если это действительно перевалочный пункт, то они могут свернуться в любой момент, а вместе с ними исчезнут и те, кто находится внутри. Медлить нельзя.

К обеду пришла эсэмэска от Рашида: «Монокуляр достал. Вечером буду на точке». Григорий убрал телефон в карман и сел за стол. Он решил, что сегодня ночью сам подойдёт к дому на расстояние прямой видимости. Только не со стороны улицы, а с тыла, через пустырь и гаражи. Ему нужно было проверить, есть ли у них собаки, камеры, датчики. Обычно такие места охраняются серьёзно. Но у этих парней, судя по вчерашним наблюдениям, охрана была внешне беспечной. Или они были уверены, что район глух и слеп.

В пять часов вечера Григорий собрался на улицу. Он надел тёмную куртку с капюшоном, старые ботинки на мягкой подошве. Взял с собой маленький кухонный нож, заточенный до бритвенной остроты, и фонарик с красным светом. Никаких документов, никаких ключей, кроме как от чёрного хода. Он не собирался вступать в контакт. Только разведка.

Он шёл через пустырь, покрытый жухлой прошлогодней травой. Ноги скользили по глине, размокшей после дождя. Впереди темнела гряда гаражей. Пройдя вдоль них, он обошёл ржавый контейнер и вышел к задней части особняка Сазонова. Здесь было темнее, чем на улице: ветви старых тополей закрывали и без того скудный свет. Григорий остановился, прислушался.

В тишине слышалось лишь мерное гудение города — где-то далеко шумела трасса, лаяли собаки. Потом раздался звук, заставивший его замереть. Это был металлический скрип, похо-

жий на проворачиваемый в замке ключ. Затем шаги. Кто-то ходил по гравию с той стороны забора. Григорий прижался к стене соседнего сарая, стараясь слиться с тенью.

— ...сказал, не раньше трёх, — донеслось до него. Голос был мужской, грубый, с хрипотцой заядлого курильщика. — Если всё будет тихо, погрузим всё разом.

Второй голос ответил неразборчиво, затем послышался хлопок двери. Григорий переждал минуту, затем осторожно двинулся вдоль забора. Там, где доски слегка разошлись, он заметил небольшой просвет. Прикинув к нему, он увидел часть двора, заваленную старыми ящиками и строительным мусором. У стены дома, рядом с обшарпанной дверью, стояли двое. Один был высокий, в камуфляжной куртке, второй — коренастый, в кепке. Они курили, о чём-то переговариваясь вполголоса. Григорий попытался разглядеть, есть ли у них оружие. В руках он не заметил ни автоматов, ни дубинок. Но под куртками могло быть что угодно.

Он понимал, что оставаться здесь дольше опасно. Но ему нужно было увидеть главное — как они заходят в дом. Через какое время после сигнала. Он замер, превратившись в статую. Двое докурили, один бросил окурок под ноги, растёр его ботинком. Потом они направились к боковой двери. Один из них вытащил из кармана ключ, другой в это время осматривал двор. Григорий отметил, что охранник смотрит в сторону ворот, а не в сторону забора, где прятался пекарь. Значит, этот сектор они считают мёртвым.

Через несколько секунд дверь открылась, и оба скрылись в доме. Григорий выдохнул. Сердце билось ровно, но в висках пульсировало напряжение. Он мысленно зафиксировал: снаружи постоянного поста нет, но есть периодические обходы. Дверь металлическая, с крепким замком. Ворота, судя по звуку, автоматические. Камеру он не увидел, но это не значит, что её нет.

Он вернулся тем же путём, проверяя, нет ли за ним хвоста. У гаражей его встретил Рашид.

— Ну что? — парень выглядел взволнованным, но говорил тихо.

— Есть чем поделиться?

— Я видел, как вы шли. И ещё видел, как к дому подъезжал белый фургон. Он постоял минут двадцать у ворот, потом уехал. Задним ходом, чтобы номера не было видно. Умные.

— Ты был на крыше?

— Да. Всё видно. У них свет на первом этаже горел, но тусклый, как свеча. И шторы плотные.

Григорий задумался.

— Завтра повторишь. Только смотри внимательно: кого заносят, в каком состоянии. Если увидишь ребёнка или женщину со связанными руками — сразу звони мне.

Рашид нервно сглотнул.

— Вы думаете, там реально рабство?

— Не знаю, Рашид. Но готовься к худшему.

Они разошлись. Григорий вернулся домой, поднялся наверх и сел у окна. Ночь обещала быть долгой. Он не спал вторую ночь подряд, но усталость не брала. Тело держалось на каком-то внутреннем огне, который разгорелся с момента первого удара теста о стол вчерашним утром.

Он включил чайник, заварил себе крепкий чай с мятой. В голове уже зрел следующий шаг. Ему нужно было оружие. Настоящее, не кухонное. И был один человек, который мог помочь с этим деликатным вопросом. Дмитрий Сергеевич. Хирург. Человек, который когда-то спасал ему жизнь, а потом ушёл в тень. Григорий не видел его уже несколько лет, но знал, что тот держит на дому целый арсенал, зарегистрированный и не очень. Пришло время навестить старого боевого товарища.

Григорий снова посмотрел на часы. Одиннадцать вечера. В окне напротив, за фанерой, ничего не изменилось. Но теперь он знал, что не один. У него появились глаза в темноте. И

это было только начало. Григорий не пошёл спать. Сон был бы предательством по отношению к тем, кто томился за облупленными стенами напротив. Вместо этого он спустился в цех, вымыл руки с мылом до локтей, надел чистый передник и встал к рабочему столу. Сегодня ему нужен был не просто хлеб. Ему нужно было алиби. И он собирался построить его своими руками.

Печь ещё хранила тепло вчерашнего огня, но для новой выпечки требовалось поднять температуру. Григорий разжёл горелку, поправил заслонку и начал готовить тесто для багетов. Опара уже подошла, поэтому работа спорилась. Он двигался по цеху ровно, без суеты, как заведённый на тысячу циклов механизм. Лишь изредка его взгляд скользил к витринному окну.

В семь утра на улице появился Мурад с метлой. Григорий вышел на крыльцо, звякнул колокольчиком, подозвал дворника.

— Мурад, подойди.

Тот неторопливо перешёл дорогу, держа метлу наперевес, как винтовку.

— Доброе утро, хозяин.

— Доброе. Ты вчера до сколько работал?

— До двенадцати. Потом сменился Юра.

— Юра — это тот молодой, который с наушниками?

— Да. Он до шести утра был. Говорил, всю ночь тишина. Только фургон туда-сюда проехал два раза.

Григорий прищурился.

— Фургон белый?

— Юра не разглядел. Он в той стороне прятался, у гаражей, когда дождь начинался. Говорит, свет в окнах горел, но тускло. А потом погас.

— Понятно. Ты сегодня до сколько?

— До обеда. Потом снова Юра заступает.

— Слушай меня внимательно. Ты в обед зайди сюда, я тебе пакет с булками оставлю. Но перед этим прогуляйся вдоль дома Сазонова. Только не пялься. Смотри, что изменилось: мусор, следы, провода, может, камера появилась. Всё запоминай.

Мурад кивнул, поправил на голове старую кепку.

— А если что-то серьёзное увижу?

— Тогда приди и скажи: «Григорий Савельевич, а у вас случайно нет чёрного хлеба с тмином?» Я пойму, что дело плохо.

— Хорошо. Только тмин — это примета к беде?

— Нет, просто мне так спокойнее.

Дворник ушёл, а Григорий вернулся в цех. Через час он уже вынимал из печи первые партии. Аромат свежего хлеба плыл по улице, как живой, окутывая прохожих. В восемь пришла Люба. Она была в платке, повязанном на манер старинного кокошника, и с новой помадой на губах. Григорий заметил, что она как-то чересчур бодро поздоровалась, но виду не подал.

— Григорий Савельевич, а правда, что у Сазоновых теперь кто-то живёт? — спросила она, протирая витрину изнутри.

— С чего ты взяла?

— Да бабки в очереди шепчутся. Мол, ночью туда машины ездят. И будто бы из подвала стоны слышны.

Григорий вытер руки, посмотрел на неё строго.

— Люба, ты женщина взрослая, глупости не повторяй. Стоны, машины... Мало ли кто технику ставит? Или кино снимают. Ты же знаешь, дом сдают под склады.

— Знаю, — Люба опустила глаза. — Но так страшно стало. Вчера вечером шла с рынка, а оттуда как будто плач ребёнка донёсся. Я аж замерла.

— Плач, — Григорий повторил тихо. — Может, кошка. Или ветер в трубах. Не придумывай.

Люба поджала губы, но промолчала. Она чувствовала, что хозяин что-то скрывает, но лезть в душу не решалась.

После полудня Григорий поднялся наверх, открыл окно настежь и вдохнул сырой воздух. Город жил своей обычной жизнью: где-то звенел трамвай, хлопала дверь подъезда, перекрикивались дети. Но для него всё это было декорацией. Он смотрел на особняк и видел не архитектуру, а карту будущего боя.

Снизу раздался звонок. Григорий спустился. На пороге стоял Павел Моисеевич с газетой под мышкой и чёрным портфелем.

— Григорий, голубчик, мне нужно с вами переговорить, но не здесь.

— Проходите на кухню, — пекарь распахнул дверь.

Они поднялись в квартиру. Павел Моисеевич снял шляпу, сел на жёсткий стул, положил портфель на колени.

— Я сделал то, что вы просили. Записал всё, что видел из окна прошлой ночью. Вот.

Он извлёк из портфеля сложенный лист бумаги, исписанный убористым почерком.

Григорий развернул его. Записи были аккуратны, как аптечный рецепт.

«23:10 — к дому подъехал легковой автомобиль, тёмный, марку не разобрал. Вышел водитель, открыл ворота. Автомобиль загнали во двор. Свет в окнах второго этажа погас.

00:45 — из боковой двери вынесли два предмета, похожих на дорожные сумки. Погрузили в багажник.

01:30 — во дворе появился третий человек. Пошёл к каретному сараю, светил фонариком.

02:15 — из дома вывели женщину. Она была в длинном плаще, на голове капюшон. Шла с трудом, её поддерживали двое. Усадили в машину, которая к тому времени уже стояла у ворот. Машина уехала с выключенными фарами.

03:05 — свет на первом этаже зажётся на короткое время. Затем снова тьма.

04:40 — к дому подошёл человек с рюкзаком. Постоял у ворот, ушёл в сторону пустыря».

Григорий дочитал, поднял глаза.

— Вы уверены, что это была женщина?

— Уверен. Она пошатнулась, когда выходила. Её буквально волокли. — Павел Моисеевич перекрестился. — Я не спал до утра, всё думал: кто она? Откуда?

— Теперь это не важно. Важно, что они вывозят людей не только ночью, но и под утро. Значит, график нестабилен. И они нервничают.

— Это плохо?

— Это значит, что они могут уйти в любой момент. И мы должны успеть.

Павел Моисеевич вздохнул, поправил воротник пальто.

— Григорий, я не хочу вам мешать, но подумайте ещё раз. Вы один против целой банды. Что вы сможете?

— Я не один. И я умею ждать.

Антиквар покачал головой, но спорить не стал. Он достал из кармана маленький свёрток, положил на стол.

— Это старинный отмычный набор. Мой отец был часовщиком, умел открывать любые замки. Я вам дарю. Пригодится.

Григорий развернул свёрток. Внутри лежали несколько крючков, тонких пластин и изогнутых щупов.

— Спасибо. Это бесценный подарок.

— Не благодарите. Лучше вернитесь живым.

Когда Павел Моисеевич ушёл, Григорий внимательно осмотрел набор. Инструменты были в отличном состоянии, хоть и старые. Он спрятал их в карман куртки.

В четыре часа дня он вышел из дома и направился к гаражному кооперативу. У ворот его встретил Рашид. Парень был одет в чистый спортивный костюм, но глаза красные от недосыпа.

— Дядя Гриша, я после ночной смены спал пару часов. Сейчас опять на крышу?

— Нет. Отдыхай. Ночью тебе понадобятся силы. Я пойду сам.

— Один? — Рашид нахмурился. — Вы что, не доверяете?

— Доверяю. Но мне нужно, чтобы сегодня ты сидел дома. Если со мной что-то случится, ты будешь тем, кто поднимет шум. Не раньше. Но и не позже. Понял?

— Понял. А что мне делать, если вы не вернётесь к утру?

— Тогда позвонишь Дмитрию Сергеевичу. Номер я тебе скину. И скажешь ему: «Пекарь не вышел к завтраку». Он поймёт.

Рашид сжал челюсти, но кивнул.

— Будьте осторожны, дядя Гриша.

— Буду.

Григорий вернулся в пекарню, запер дверь изнутри. До ночи оставалось несколько часов. Он поднялся наверх, разложил на кровати всё, что подготовил. Тёмная одежда, которая не сковывает движений. Лёгкие ботинки с рифлёной подошвой. Перчатки без пальцев. Баллончик с перцовым экстрактом. Два пистолета, патроны. Два ножа: один — на поясе, второй — в рукаве. Отмычки. Моток верёвки. Фонарик с красным светофильтром. И главное — мешок муки. Не простой, а специально высушенной, мелкого помола. В замкнутом пространстве подвала такая мука, распылённая в воздухе, может стать страшным оружием.

Он проверил, как открывается баллончик, как вынимается нож из рукава, как пистолет ложится в ладонь. Движения были отточены до автоматизма. Он тренировался не ради бравады, а чтобы в момент опасности тело сработало быстрее, чем страх.

Когда солнце село, Григорий поужинал всухомятку: кусок хлеба, ломтик сыра, пара яблок. Запил крепким чаем. Вкус хлеба был особенным — он чувствовал каждую пору, каждый солод. Может, последний раз.

Он выждал до половины двенадцатого. Улица затихла. Фонари горели тускло, воздух наполнился влагой. Григорий спустился по чёрной лестнице, вышел во двор. Тёмная фигура скользнула между сараями, перебежала пустырь, остановилась у ржавого контейнера. Отсюда до каретного сарая было метров тридцать. Сарай стоял вплотную к забору, его дверь смотрела на пустырь.

Григорий подошёл вплотную. Дверь была заперта на висячий замок, но петли держались на старых гвоздях, которые от сырости подгнили. Он вынул из рукава узкий нож, поддел одну петлю, надавил. Дерево заскрипело, но поддалось. Вторая петля вышла из косяка с глухим хлопком. Дверь открылась.

Внутри сарая пахло прелой соломой и машинным маслом. Григорий включил красный фонарик, осмотрел пол. Следы шин, окурки, обрывки верёвки. У дальней стены — прикрытый брезентом лаз. Он подошёл, откинул брезент. Вниз вели пять ступеней, выложенных из кирпича. Пахнуло холодом и затхлостью.

Григорий прислушался. Тишина. Только капли дождя застучали по крыше сарая. Он проверил нож, сжал рукоятку пистолета. Затем шагнул вниз, в темноту.

Ступени закончились, под ногами оказался земляной пол. Ход был узким, не больше метра в ширину. Григорию пришлось пригнуться. Он шёл медленно, касаясь рукой стены. Пахло сыростью, грибком и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Этот запах он не мог спутать ни с чем. Запах страха. Запах пота и разложения.

Через несколько метров ход упёрся в старую деревянную дверь. Она была приоткрыта. Григорий остановился, задержал дыхание. Из-за двери не доносилось ни звука. Он толкнул её носком ботинка. Петли скрипнули. В лицо пахнуло застоявшимся воздухом подвала.

Он вошёл. Красный луч фонаря выхватил из темноты сводчатый потолок, покрытый паутиной, ряды полок вдоль стен, какие-то ящики. У дальней стены стояли две металлические клетки. Пустые. Но на полу перед ними — тёмные пятна, похожие на засохшую кровь. И обрывок женского платка.

Григорий сжал зубы. Теперь сомнений не оставалось. Это место пропитано злом. И он пришёл, чтобы выжечь его.

В следующую секунду где-то наверху хлопнула дверь, и раздались шаги. Григорий погасил фонарь и слился с темнотой.

Глава 3. В логове зверя

Темнота подвала была не просто отсутствием света — она была плотной, вязкой, как холодный кисель, пропитанный запахом сырости и застарелого ужаса. Григорий вжался спиной в шершавую кирпичную кладку, чувствуя, как холод проникает сквозь куртку и рубашку, как пот выступает на лбу, хотя в подвале было отнюдь не жарко. Сердце билось редко, но сильно, отдаваясь в висках. Он заставил себя дышать ртом — медленно, бесшумно, как учили в учебке перед ночным выходом. Воздух со свистом проходил сквозь сжатые зубы, но этот звук тонул в глухой тишине, нарушаемой лишь шагами наверху.

Шаги были тяжёлыми, неровными. Кто-то спускался по лестнице, ведущей с первого этажа в подвал. Доски под ногами незнакомца жалобно прогибались, издавая протяжный скрип, от которого у Григория напрягались мышцы спины. Он медленно, одними пальцами, растегнул карман на поясе, где лежал баллончик с перцовым экстрактом. Второй рукой он сжимал рукоятку ножа — того самого, с широким лезвием, которым ещё утром нарезал багеты. Сейчас этот инструмент был заточен до звериной остроты.

— Говорю тебе, я слышал скрип, — раздался голос. Молодой, но уже прокуренный, с ленцой. — Прямо из подвала.

— Крысы, — ответил второй, постарше, с хрипотцой. — Ты как баба реагируешь. Крысы тут жирные, с кошку размером. Жрут объедки.

— Какие, к чёрту, объедки? Мы сюда третий день не заносили ничего жареного. Товар не в счёт.

Григорий затаил дыхание. Слово «товар» ударило по нервам. Значит, он был прав. Это не наркотики, не оружие. Товар — это люди.

— Товар не жрёт, — отозвался старший. — Он лежит и молчит, если правильно обработан.

— Ну да, только после твоих уколов они двое суток как варёные. А тот, что в клетке, всё равно мычит. Может, заткнуть его?

— Не трогай. Пусть мычит. Скоро приедет хозяин, заберёт. Нам главное — дотянуть до послезавтра, а там и след простынет.

Григорий прикрыл глаза, чтобы обострить слух. Голоса приближались. Теперь он слышал, как ступают двое. Один — грузный, шаркающий, второй — лёгкий, пружинящий. Они спускались в подвал медленно, подсвечивая себе фонарями. Белые лучи резали тьму, выхватывая из мрака то ржавую бочку, то груды тряпья, то край клетки.

Пекарь понимал: ещё пара шагов — и свет упадёт на него. Он был прижат к стене за деревянными стеллажами, заваленными пустыми ящиками, но укрытие это было ненадёжным. Луч скользнул по полу, по его левому ботинку, и замер.

Григорий замер вместе с ним. Не дыша, не двигаясь, сливаясь с тенью. Рука с ножом окаменела. Он был готов к броску, но ждал. Ждать было привычно. Хлеб учит терпению.

— Смотри, — прошептал молодой. — У стены что-то шевелится.

— Где?

— Вон, за стеллажом. Как будто тень.

Луч фонарика дрогнул, поднялся выше, упёрся в потолок. Григорий использовал это мгновение. Он медленно, на одних мышцах, сдвинулся в сторону, за большую деревянную бочку, стоящую на поддоне. Бочка была пустой, но тяжёлой. Она прикрыла его почти полностью.

Шаги возобновились. Теперь они были совсем рядом. Григорий слышал их дыхание, чувствовал запах табака и дешёвого одеколона. Один из визитёров остановился в трёх шагах. Луч

его фонаря снова прошёлся по подвалу, на мгновение осветив дверь подземного хода. Григорий похолодел: дверь осталась приоткрытой ровно на ширину ладони. Он забыл её закрыть.

— А это ещё что? — голос старшего стал жёстким. — Витёк, глянь. Дверь в старый ход открыта.

— Так её никто и не запирает. Сама разохлась.

— Я вчера проверял — была закрыта. Стояла впритык. А теперь щель.

Пауза. Потом молодой сделал несколько шагов к двери. Григорий слышал, как хрустят под его ногами мелкие камешки, как он дышит ртом. Затем луч фонаря упёрся в тёмный проём.

— Там никого. Может, от сквозняка.

— Сквозняка в подвале не бывает, придурок. Проверь дальше.

Григорий понял: сейчас его найдут. Прятаться больше нельзя. Надо действовать на опережение. Он крепче сжал баллончик, поднялся из-за бочки. Движение было резким, но бесшумным, как взмах ножа.

Первым его заметил молодой. Он стоял вполоборота, опустив фонарь. Григорий рванулся вперёд, сократил дистанцию в два длинных шага и выбросил руку с баллончиком прямо в лицо. Струя едкого аэрозоля ударила в глаза и рот. Бандит взвыл, выронил фонарь, схватился за лицо. Пекарь не остановился. Он перехватил нож обратным хватом и нанёс короткий, точный удар в печень. Тело парня согнулось пополам, из горла вырвался сдавленный хрип. Григорий оттолкнул его в сторону, как мешок, и развернулся ко второму.

Старший уже выхватил что-то из-за пояса. В тусклом свете упавшего фонаря блеснуло лезвие. Завязалась схватка. Противник был крупным, тяжёлым, но двигался резко, по-уличному, без лишних финтов. Он ударил снизу вверх, целя в живот. Григорий встретил удар предплечьем, одновременно сокращая дистанцию. Лезвие скользнуло по кожаной манжете куртки, не задев кожи. Пекарь, используя силу инерции, захватил запястье врага и рванул на себя. Бандит потерял равновесие, но тут же попытался провести подсечку. Григорий был готов: прыгнул в сторону, уходя от ноги, и ребром ладони ударил по локтевому сгибу руки, державшей нож. Хруст. Дикий крик. Нож выпал, звякнув о каменный пол.

Но бандит был живуч. Он, не обращая внимания на сломанную руку, бросился на Григория всем телом, как разъярённый бык. Пекарь не успел уклониться полностью — они вместе рухнули на ящики. Дерево затрещало. Григорий почувствовал, как чужие пальцы впились ему в горло. Воздух перекрыло. Он попытался сбросить противника, но тот навалился всей массой. В глазах поплыли красные круги.

Тогда Григорий сделал единственное, что мог: он нашарил рукой у пояса второй нож — узкий, серповидный, для тонкой нарезки. Остриё вошло в бок нападавшего, прямо под рёбра. Враг захрипел, пальцы на горле ослабли. Григорий толкнул его с себя, перекатился, поднялся. Бандит завалился на спину, зажимая рану. Из-под ладони толчками выходила тёмная кровь.

Григорий не стал добивать. Он перевёл дыхание, огляделся. Молодой лежал без сознания. Старший стонал, но уже не представлял угрозы. Однако шум борьбы наверняка услышали. Нужно было уходить, и как можно быстрее.

Он подхватил свой фонарик, выключил, сунул в карман. Затем подошёл к двери подземного хода. В этот момент сверху раздались голоса и торопливые шаги. Кто-то бежал по лестнице, громя ботинками.

Григорий нырнул в узкий лаз, прикрыл за собой дверь, накиннул старый крючок. Потом, не оглядываясь, побежал по проходу, пригнув голову. Сзади загремели удары в дверь, послышалась ругань, затем выстрел. Пуля с визгом ударила в кирпич где-то за спиной. Григорий ускорился. Плечи задевали стены, с потолка сыпалась земля. Он не чувствовал усталости, только горячую, злую сосредоточенность.

Впереди показались ступени. Он взлетел по ним, толкнул доски сарая и вывалился наружу, в холодную ночь. Дождь усилился, косые струи хлестали по лицу. Григорий не стал

задерживаться. Перебежал пустырь, пригибаясь к земле, затем дворами, мимо гаражей, к своему дому. Он не оглядывался, но спиной чувствовал, что погоня не заставит себя ждать.

Он влетел в чёрный ход, запер дверь на засов, поднялся в квартиру. Снял мокрую куртку, бросил на пол. Руки дрожали, но не от страха, а от выброса адреналина. Он подошёл к окну, осторожно выглянул из-за шторы.

Во дворе дома Сазонова зажёгся свет. Через щель в заборе было видно, как мечутся тени. Потом из ворот выскочили двое с фонарями, побежали в сторону пустыря. Григорий отпрянул от окна. Его ищут. И они могут догадаться, кто именно к ним наведёлся: пекарня стоит слишком близко, а он один такой, кто встаёт в четыре утра и видит всё.

Нужно было срочно менять план. Тайная разведка провалилась. Теперь оставалось только одно — штурм. И медлить нельзя. После сегодняшнего они либо ускорят вывоз, либо укрепят оборону. Но у Григория уже не было времени на долгую подготовку.

Он сел на корточки, прислонившись к стене, и набрал номер Рашида. Тот ответил сразу.

— Дядя Гриша? Что случилось?

— Я в порядке. Слушай внимательно. Поднимай Дмитрия Сергеевича. Скажи: «Сазоновский дом горит». Он поймёт. Встречаемся у тебя в гараже через час. Все трое.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно. И по дороге ни с кем не разговаривай. Проверь, нет ли хвоста.

— Понял.

Григорий отключился. Поднялся, прошёл на кухню, выпил воды прямо из-под крана. Холодная вода освежила горло, но не уняла жара внутри. Он взглянул на свои руки: костяшки сбиты, на левом предплечье расплзался синяк. Ничего, переживу. Мысли уже неслись вперёд, выстраивая новый план.

Теперь он знал: в подвале есть клетки, есть охрана, есть тот, кого они называют «товаром». Люди внутри — не миф. Значит, штурмовать нужно завтра же ночью. Но перед этим необходимо собрать всех, кто готов встать рядом.

Через сорок минут Григорий, надев сухую куртку, вышел из дома через чёрный ход. Дождь лил стеной, но он шёл сквозь него, как сквозь занавес. У гаражного кооператива его встретил Рашид. Вид у парня был взъерошенный, но решительный. Внутри гаража уже горела переноска, и у верстака стоял Дмитрий Сергеевич в старой армейской плащ-палатке.

— Докладывай, — коротко сказал хирург, едва Григорий закрыл за собой ворота.

— Был в доме. В подвале клетки. Двое охранников. У одного сломал руку, другому засадил нож под ребро. Они подняли тревогу, я ушёл подземным ходом.

— Чисто сработал? — Дмитрий прищурился.

— Как смог. Но теперь они знают, что кто-то приходил. Утром будут подчищать следы.

— И что ты предлагаешь?

— Завтра ночью идём втроём. Если ждать дольше — опоздаем. Людей вывезут.

Рашид вытянулся, сжал кулаки.

— Я готов, дядя Гриша. Только скажите, что делать.

Дмитрий Сергеевич помолчал, потирая подбородок.

— У нас троих огневой мощи маловато. Но есть у меня один должник. Позвоню утром. Если согласится, будет четвёртый. И с машиной.

— Кто такой?

— Старый приятель из госпиталя. Сейчас таксует. Но по ночам не спит. Надёжный мужик. А главное — у него в багажнике всегда лежит монтировка и аптечка.

— Зови. Только объясни, что дело серьёзное.

— Объясню. А теперь давайте спать. Завтра тяжёлый день.

Григорий кивнул. Он чувствовал, как усталость наваливается на плечи, но знал, что не уснёт. Слишком много адреналина в крови. Однако нужно было восстановить силы. Рашид

ушёл к себе в гараж, Дмитрий — домой, а Григорий вернулся в пекарню. По дороге он снова посмотрел на особняк. Свет в окнах больше не горел. Тишина. Но тишина эта была обманчива, как спокойная гладь болота, под которой копошатся змеи.

Впереди была ночь решающего штурма, и никто из них ещё не знал, чем она закончится. Григорий поднялся к себе, не зажигая света. Он знал каждый угол квартиры наизусть, знал, где скрипит половица, где стоит стул, где висит полотенце. В темноте его тело двигалось само, как отлаженный механизм, и это успокаивало. Он снял мокрую одежду, бросил её в таз, натянул сухое бельё. Потом сел на край кровати и долго смотрел в окно, за которым шумел дождь.

Спать не хотелось. Мозг продолжал прокручивать сцены подвала: белые лучи фонарей, запах страха, хруст локтя, тёмная кровь на каменном полу. Григорий не испытывал ни раскаяния, ни торжества. Только холодную ясность. Он сделал первый шаг, и обратной дороги не было. Теперь нужно идти до конца.

Перед рассветом он всё же забылся коротким, рваным сном — без сновидений, похожим на обморок. Проснулся от шума дождя, который барабанил по карнизу. Часы показывали половину седьмого. Пекарня должна была открыться, но Григорий не пошёл вниз. Вместо этого он набрал номер Любы.

— Люба, сегодня пекарня закрыта. Скажи, что авария в цеху. Я сам разберусь.

— Григорий Савельевич, у вас всё в порядке? — голос её дрогнул. — Вы какой-то странный в последние дни.

— Всё нормально. Просто нужно починить печь. Не приходи.

Он положил трубку, не дожидаясь ответа. Люба, конечно, будет волноваться, но так безопаснее. Её присутствие в пекарне могло привлечь лишнее внимание, а в случае стрельбы она стала бы заложницей.

Весь день Григорий провёл в квартире, изредка подходя к окну и наблюдая за домом напротив. Особняк выглядел мёртвым. Никто не выходил, не заезжал. Только дождь поливал облупленные стены да ветер трепал плющ. Но Григорий знал: внутри кипит работа. Они либо заматают следы, либо готовятся к ночной отправке. Возможно, уже вызвали подкрепление.

В полдень он перекусил хлебом с маслом и солёным огурцом, запил крепким чаем. Затем спустился в цех, чтобы проверить оружие. Из тайника под старым столом он достал сумку с пистолетами. Разложил на чистой ткани, проверил патроны. Пальцы двигались уверенно, хотя внутри всё было натянуто, как тетива. Он пересчитал боеприпасы: к «Осе» — шесть патронов в барабане, к ПМ — два магазина по восемь. Не густо. Но у него были ножи, баллончик и мешок муки. И главное — знание территории.

Около двух часов дня на связь вышел Дмитрий Сергеевич.

— Четвёртый согласился. Встречаемся в гараже в девять вечера. Он будет на машине. Зовут Сергей Петрович. Бывший фельдшер. Не боец, но нервы крепкие. И машина у него неприметная, тёмно-синяя, с тонированными задними стёклами.

— Хорошо. Буду.

— И вот что, Гриш. Я тут навёл справки. Дом Сазонова числится на балансе некоего фонда «Возрождение». Директор — человек из соседнего региона, с тёмным прошлым. В открытых реестрах ничего серьёзного, но по моим каналам он связан с группировкой, которая занимается переправкой людей за границу. Это серьёзные волки.

— Тем более нужно действовать быстро.

— Согласен. Готовь всё. Я привезу ещё аптечку и ракетницу.

День тянулся бесконечно. Григорий дважды выходил на улицу через чёрный ход, чтобы размяться и проверить обстановку. Район жил своей жизнью: мамы с колясками, старики у подъездов, редкие машины. Никаких признаков тревоги. Дом Сазонова по-прежнему молчал.

В шесть вечера он снова позвонил Рашиду.

— Ты как?

— Нормально. На крышу не высовывался, как вы велели. Но видел, что утром к дому подъехала легковушка, из неё вышли двое в чёрном, занесли внутрь несколько сумок. Потом уехали. Больше никого.

— Понял. В девять будь в гараже. Оружие есть?

— У меня нож и самодельная дубинка с гвоздями. Больше ничего.

— Дмитрий Сергеевич привезёт тебе травмат. Стрелять умеешь?

— Так точно. В армии стрелял. Правда, по мишеням.

— Тогда научись. Главное — не паниковать.

Ближе к восьми Григорий надел тёмные брюки, плотную водолазку, лёгкую куртку с карманами для ножей. На пояс повесил кобуру с «Осой». Второй пистолет сунул за ремень. В карман положил баллончик. В рюкзак — мешок с мукой, моток верёвки, отмычки, фонарик, запасные патроны. Всё проверил, каждый предмет ощупал, как перед прыжком с парашютом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.